

18+

ВИКТОР УЛИН

ВАЛЬС -
ВПЕРЕД И ВПЕРЕД
- **БОСТОН**

Виктор Улин

Вальс-бостон. Вперед и вперед

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69710935

ISBN 9785006059597

Аннотация

Карьера мастера спорта, профессионального танцора – человека умного и тонко чувствующего – была оборвана нелепой автокатастрофой. Жизнь его покатила по замкнутому кругу, не даря ни радости в настоящем, ни перспективы в будущем. Страдая в своих метаниях, герой время от времени пытается подняться к чему-то или к кому-то, способному наполнить смыслом его существование. Правда, остается неясным, не окажется ли его очередная попытка очередной неудачей.

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	20
3	28
4	42
5	49
6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Вальс-бостон Вперед и вперед

Виктор Улин

*Памяти меня самого —
тридцатилетнего,
не растерявшего иллюзий
и верившего в возможность счастливой жизни*

Дизайнер обложки Виктор Улин

Фотограф Виктор Улин

© Виктор Улин, 2023

© Виктор Улин, дизайн обложки, 2023

© Виктор Улин, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0060-5959-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Жизнь твоя будет висеть пред тобою,
и будешь трепетать ночью и днем,
и не будешь уверен в жизни твоей;
от трепета сердца твоего, которым ты будешь
объят,*

*и от того, что ты будешь видеть глазами твоими,
утром ты скажешь: «о, если бы пришел вечер!»,
а вечером скажешь: «о, если бы наступило утро!»»*

(Втор. 28:66,67)

Часть первая

1

*– На ковре из желтых листьев, в платьице простом
Из подаренного ветром креп-де-шина...*

Слово «крепдешин» писалось слитно, это я знал прекрасно. Но Галя пела, как-то особо обкатывая звуки, и слоги выскакивали по отдельности как гладкие морские камешки из чуть-чуть разжатой ладони.

– Из подаренного ветром креп-де-шина...

Разбитый многими поколениями сценический рояль вздыхал вслед каждой ноте, а когда девушка брала педаль, обшарпанная клавиатура страдальчески дергалась в сторону.

Но голос бился чисто и тонко, отдаваясь под сводом темной сцены:

– креп-де-шина....

*Танцевала в подворотне осень вальс-бостон,
Отлетал летний сон и тихо пел саксофон...*

Галя аккомпанировала себе вслепую, обратив темно-карие глаза ко мне – так, что черные волосы ее мягким крылом нависали над желтизной избитых клавиш. А я стоял глядя, как в такт словам шевелится родинка на ее верхней губе. Я смотрел на нее и видел песню.

Осень в разлетающемся желтом платье с бесшабашной грустью кружилась посреди выметенной ветром подворотни...

– А чё такое «*вальс-бостон*»? – вклинился Галин партнер Арсен, патлатый, словно эстрадник.

Между делом опуская руку на ее плечо.

Галя дернулась, скидывая Арсеновы пальцы, и до меня донеслась густая волна любимого ею розового масла.

– Это то, что дают на концерте Люда и Юра, – поднимаюсь на сцену, ответил руководитель нашего ансамбля Виктор Станиславович.

В обиходе просто *Викстан* – невысокий и уже лысеющий со лба, мужественно перечеркнутый широкими желтыми подтяжками.

– Не совсем, возразил я. – Мы будем давать медленный вальс. Танец свободной импровизации. Где есть масса разных фигур и можно легко менять направление. А в бостоне делаются подряд только простые повороты. И движение исключительно вперед, по линии танца. И еще...

– Оши-баешься, – перебил он. – Бостон и медленный вальс одно и то же.

– Но...

– Какие «но»?! Кому лучше знать? – Викстан нервно крутанул на пальце золотую печатку. – Кто тут руководитель?!

Я молча пожал плечами: с ним спорить было однозначно тому, чтобы плетью ломать обух.

– Ну ладно, – он прихлопнул ладонью крышку рояля. – Кончаем песни-споры. Гоним с общего вальса. Все сюда!

– Люды еще нет, – негромко отметил я.

– Нет?!.. Тогда вальс напоследок. Рая, Андрей – на самбу, живо!

Чем права качать, лучше бы устроил общую разминку, – усмехнулся я и спустился к окну, которое пряталось за кулисами зала.

Там под ржавым карнизом, почти доставая до нашего четвертого этажа, волновалась клейкая тополиная листва.

Я размялся сам по привычной системе, одну за другой разогревая все группы мышц. Шею, руки, голеностопы. Для этого существовала схема элементарных упражнений с нарастающей нагрузкой: плиэ, батман-тандю, потом настоящие батманы... И почувствовав наконец, что все тело налилось упругим живым теплом, я закинул одну ногу на подоконник, чтобы делать растяжку-полушпагат.

– ...Юр, ты уже?

Я обернулся и увидел Люду – уже переодевшуюся в черный гимнастический купальник и серую юбку, которая чертовски шла к ее глазищам.

– А, пришла наконец... Викстан хотел начать с общего вальса, из-за тебя не получилось. Он не ругался там?

– Не-а. Ему не до меня, он по сцене пляшет. Рая с Андреем опять на том же самом элементе поссорились, он их разбирает.

– На корте-джака, что ли?.. Ну ладно, давай разминайся. Люда быстро прогнала весь комплекс, которому я ее обучил – почти не скрываясь, я любовался точными движениями ее крепкой фигуры.

На последней растяжке дело застопорилось: нога съезжала и настоящий полушпагат у нее не выходил.

– Юр, поддержи мне ногу, пожалуйста, – попросила она сдув челку со лба.

Чувствуя внутри приятно покалывающее напряжение, я прижал к подоконнику гладкую Людину ногу. Она старательно сгибалась, пытаясь достать носок, и от ее разгорячившегося тела толчками поднимался аромат французских духов.

– ...А можно за другую ножку поддержаться?

Из-за моего плеча высунулся Арсен и, мерзко улыбаясь, принялся жадно разглядывать Люду. Казалось, он глазами спускает с нее оставшийся минимум одежды.

– Рук у тебя... не хватит... малыш! – отрывисто выдохнула она, нагибаясь к зафиксированной мною ноге. – Еще умрешь... от возбуждения.

– Говорит один мужик другому, – не унимался Арсен. – *«Мне жена со столяром изменяет.» «А ты почему знаешь?»*

«Да вот стружку под кроватью нашел!»

Люда фыркнула и, убрав ногу, одернула задравшуюся сверх меры юбку.

Мне хотелось двинуть по Арсеновой физиономии, но я сдержался.

Сосунок, пэтэушник, причем не откуда-нибудь, а из кулинарного училища, на десять лет меня моложе – мне ли с таким связываться? – подумал я. – Только себя позорить. Я все-таки серьезный человек, а этот и на танцы ходит только за девочек подержаться. Танцевать так и не научился – дергается, как паралитик, пытаюсь попасть в такт. Зато вечно лезет со всякими двусмысленными шуточками.

Ну ладно, что я столяр – всем известно, на себя я давно махнул рукой и профессии своей стыдиться причин не видел. Но откуда он прознал о Людином замужестве?!

– Давайте румбу! – неожиданно скомандовал Викстан, поменяв кассету. – Люда, Юра – на сцену, быстро!

Наша композиция начиналась эффектно – мне удалось осторожно протолкнуть ее так, что сам Викстан уже воспринимал это как собственную выдумку. Вступление было даже не хорошим, а просто идеальным. Я стоял посреди сцены, Люда с разбега бросалась ко мне из-за кулисы – я брал ее на бедро и кружил несколько тактов на себе.

Надо сказать, что в прежние времена, когда я профессионально занимался танцами, этот элемент давался не без труда: моя бывшая партнерша и бывшая же жена Тамара имела

ноги полутораметровой длины, и мне приходилось изрядно напрягаться, чтобы живая скульптура наша оставалась живой, но она при этом висела в воздухе и не задевала кабелями пол. Люда при хорошем сложении имела меньший рост и более короткие ноги, поэтому держать ее на весу было куда удобнее. Правда, точный прыжок на меня, от которого зависела устойчивость положения и успех всей фигуры, удавался ей не всегда. Но сегодня Люда сработала отлично, и дальше все пошло, как по маслу.

Даже Викстан, не упускавший возможности придраться лично ко мне, не смог сказать ничего.

После румбы мы отдыхали, развалиясь в креслах первого ряда – пока Арсен и Галя в тысячный раз отрабатывали довольно простой джайв – потом поднялись и двинулись на медленный вальс.

Эта композиция была детищем самого Викстана и исполнялась с размахом. Мы несколько раз пересекали сцену по диагонали, потом я останавливался с воздетой рукой, а Люда, кружась, отходила на угол рампы – этим элементом, в общем чужеродным для бального танца и к тому же не в меру затянутым, Викстан гордился особо. Люда показывала себя со всех сторон тактов десять, я утомился стоять на полупальцах в остановленном порыве, поднятая рука затекла и онемела. Чтобы отключиться от восприятия собственного тела, я принялся рассматривать пустой зрительный зал.

В первом ряду сидела Рая, по-девчоночьи вывернув

внутри носки и крепко зажав ладони между коленок.

Андрей тупо маячил в проходе: на самбе они поссорились и едва не подрались – так, как не должно было быть в балльных танцах, но как происходило между ними каждый день

Я пропустил момент, когда Люда вернулась и мне требовалось воздушно принять ее в объятия.

– Юра, ты что – уснул?! – заорал Викстан. схватившись за подтяжки. – Сколько раз тебя учить? Повторить вступление!

Он муштровал нас как худший фельдфебель прусского образца.

Мы повторяли долго, мусоля всю композицию раз пять прежде., чем, видимо, она надоела ему самому. После чего Викстан смилостивился и объявил общий вальс – последний номер нашей программы.

Этот танец был задуман с подлинно европейским размахом: множество перепутанных, плохо стыкующихся фигур, схождения пар к центру и расхождения со сменой партнеров, и так далее, что смехотворно напоминало показательные выступления, виденные когда-то мною на самом деле в хороших залах.

* * *

При перемене во время этого самого общего вальса я имел возможность сравнить всех трех партнерш и, стоило отме-

тить, что танцевали они по-разному.

Рая еще училась в школе, но была высокой и – по выражению Арсена – бедрастой. Насквозь пропотевший черный гимнастический купальник не скрывал нужных выпуклостей на ее теле. В ней вовсю бродили, кипели и переплескивались через край горячие соки юности, она и на танцы наверняка пришла лишь затем, чтобы безопасно побыть в мужских руках. В этом смысле для нее не могло найтись худшего партнера, нежели Андрей, который танцевал из высокой любви к искусству. Настолько высокой, что с ее высоты, похоже, само искусство делалось для него уже неразличимым. Впрочем, я все-таки грешил против истины: он имел какие-то задатки настоящего танцора и вполне мог бы стать таковым, если бы его слегка опустили на землю и научили правильно вести себя в танце. Хотя в нашем городишке, где не было по сути дела ни одной настоящей студии танцев, а имелись только ансамбли вроде нашего, ведомого Викстаном, шансов не оставалось. Но в любом случае, его нельзя было ставить в пару с Раей ни при каких условиях, поскольку девчонка, забываясь в своем телесном трепете, в определенный момент начинала идти черт-те куда, выбивалась из такта и безбожно врала элементы. И тогда Андрей – в отличие от настоящего партнера, который незаметно держит партнершу железной хваткой, не позволяя ее миллиметр самостоятельности – взрывался нешуточной яростью. Кричал, сверкая стальным зубом, грубо толкал или со злостью дергал ее за руку, что

убивало сам танец. Меня Рая – «*Рая из сарая*», как аттестовал ее Арсен – за мужчину не считала; я для нее наверняка представлялся дяденькой из другого поколения. Но порой она забывала о том и неожиданно приникала ко мне всем телом от коленок до плеч – приникала так неожиданно и жарко, что даже мне, давно профессионально переставшего видеть во время танца женщину в партнерше – даже мне становилось не по себе.

Галя была старше ее на пару лет, но у нее успела вызреть иная психология. Я бы сказал – в ней проснулось нечто вроде девического стыда одновременно с осознанием собственной женственности. В танце она любила сам танец, шла легко и хорошо подчинялась – но боялась партнера, даже меня. Всегда старалась откинуться, отстраниться насколько возможно, не выдерживая даже положенного европейской техникой контакта в области диафрагмы. На партнера не глядела, завесившись ресницами, но если при повороте ей случалось задеть его любой частью тела – не дай бог, выпирающей перед грудью... – то она молниеносно выстреливала стыдливым взглядом и краснела вся, и родинка на ее верхней губе делалась совершенно черной. И всегдашний аромат болгарской розы вспенивался ключом.

И только Люда – опаздывавшая на каждую репетицию – танцевала по всем правилам. Держалась просто и точно, как положено себя вести. Конечно, ее поведение сглаживал возраст и тот факт, что она давно уже была не девочкой. Впро-

чем, это, пожалуй, было вторичным. А первичным оказывалось то, что она танцевала со мной. Я выбрал ее здесь с первого дня своего прихода и за год натренировал по хорошо знакомой, отработанной истинными педагогами системе. Натаскал тщательно и методично, сделав из нее настоящую, почти профессиональную партнершу...

* * *

– Молодчина, – шепнул я Люде во время очередного вальсового тура. – На румбе сегодня шла по зондер-классу.

– Зато на медленном... – она улыбнулась, вскинув пепельные глаза. – Занудный он какой-то...

И мы покинули друг друга в очередном разъединении.

– ...Все! – неожиданно провозгласил Викстан, выдергивая штепсель из розетки. – Хватит на сегодня. Кто поможет отнести аппаратуру?

Молчаливо безотказный и вежливый со всеми, кроме своей партнерши, Андрей поправил очки и принялся сворачивать удлинители.

Закрепляя достигнутое, мы с Людой еще раз пять прогнали под мой счет начало румбы, затем пошли наверх переодеваться.

В полутемном коридоре навстречу прошуршали Рая с Галей, уже в нормальных платьях – за ними, силясь ощупать обеих сразу, волочился неутомимый Арсен.

Викстан и Андрей молча курили в тупичке коридора, стряхивая пепел в кадку с чахлым фикусом.

В классе я быстро переобулся – сменил раздрызганные балльные туфли на кроссовки – и опустился на стул у окна.

В маленькой комнате дрожала вечерняя пустота. Сколько раз я уже сживал тут, от нечего делать разглядывая добела вытоптаный по кругу пол, железную вешалку в углу, обшарпанный стол, побитый трельяж у окна и закуток для переодевания, выгороженный шкафом возле двери. И блеклые, покрыты лепешками клея журнальные вырезки танцоров на стенах – изящные партнеры во фраках и затейливых комбинезонах для латины, партнерши в пенистых пачках, без пачек и вообще почти без ничего...

Моя партнерша шуршала, ворочаясь за шкафом – цветастая занавеска колыхалась под мимолетными касаниями ее тела и вызывала во мне ненужные желания.

Заглянул Викстан, покосился на меня, щелкнул подтяжками, но промолчал и выбежал опять.

Наконец в джинсах и кофточке, с расчесанными после заколок волосами, Люда вышла из-за шкафа, и мы отправились вниз.

* * *

На трамвайной остановке волновался недовольный народ – видимо, где-то произошел затор – и мы пошли пешком

до автобуса.

Прошагали три квартала по заросшей темными, еще не собравшимися цвести липами улице, свернули к старому универмагу, потом еще пару минут ждали под желтой табличкой.

Автобус пришел быстро. Я подал Люде руку, помогая ей взобраться на ступеньки, и она с улыбкой оперлась на мое плечо, оказавшись на секунду выше меня. Чувствуя томительное удушье, я отметил, как пропечатались через кофточку швы ее лифчика на самых выпуклых местах.

Мы опустили на горячее сиденье.

– *«Жена со столяром изменяет»*, надо же... – пробормотала Люда. – Кстати, ты давно женат?

– С чего ты взяла? – искренне удивился я, привыкший хранить свои семейные дела в тайне и уверенный, что это удастся.

– Да так... – она прищурила глаз. – Ни с чего. Просто чувствую.

И рассмеялась, остро сверкнув зубами.

– Ты права, как ни странно, – я вздохнул. – Я был женат, в самом деле.

– Развелся? – она спросила спокойно, точно ждала именно такого ответа.

Я молча кивнул.

– А дети?..

– Детей нет. Жена в другом городе. Работает парикмахер-

шей. Дамской, – перечислил я, отсекая дежурные вопросы. – И вообще все это было давно и неправда.

– И у меня муж не здесь. В Белоруссии, хотя я с ним не разведена.

Я ничего не сказал.

– Пока не разведена, – добавила она.

И мягко толкнула меня плечом, отчего ее грудки дрыгнулись вверх-вниз.

Я вспомнил, что прежде Люда никогда не вдавалась в подробности своей жизни.

И подумал – неужели Арсенов анекдот сегодня побудил ее разговориться?

Автобусное окно вкрадчиво засинело, словно напоминая о том, что летние вечера даются не всегда и не просто так.

И что все, таимое и сдерживаемое прежде, сейчас имеет право на осуществление.

– При-ехали, – Люда встала, опершись на меня, когда автобус закрипел на повороте около темного сквера. – Счастливо, Юр! До следующей репетиции!

– Тебя проводить? – спросил я, зная ответ, но не в силах сопротивляться синеве манящего вечера.

Люда глянула на меня сверху вниз. В тусклом автобусном свете ее глаза из серых сделались почти синими, как сам этот чертов вечер.

– Нет, это будет уже слишком! – ответила она.

И, тронув пальцами мою щеку, со смехом побежала к вы-

ходу – вынудив меня еще раз полюбоваться своими крепкими ногами.

2

На работе никто не работал: с раннего утра все слонялись из угла в угол, томимые трепетным предчувствием аванса.

Сколько народу числилось в штате нашей картинной галереи – большой даже не в масштабе города, а просто огромной – ведал один бог, да и тот мог ошибаться; я же за три года так и не выяснил.

В обычные дни мастерские, подсобки, склад и гараж всегда поражали девственным безлюдьем. Но в день раздачи денег неизвестный народ появлялся из пустоты – как, согласно теории Парацельса, мыши самозарождались в грязном белье – и заполнял все помещения густой толпой.

После обеда ко мне приблизился белобрысый Геша.

– Юрец, ты того, а?.. Ты это... Ну, в общем... – он нервно дернул острым кадыком. – Три рваных в честь праздника, а?

– А какой нынче праздник? – поинтересовался я, привычно ломая дурака.

– Дык... день китайской авиации. Аванец сегодня – ты что, забыл? Трудовой праздник всего... этого самого... как Саныч говорит... В общем, скидывай треху, мы уже у Ваньки-шофера отоварились.

– Не потребляю, ты же знаешь! – я хлопнул себя по джинсам. – Яз-ва!

– Жа... аль, – протянул Геша, удивившись, как всегда, по-

детски искренне.

Столяров нас работало трое.

Геша, я и Саныч.

Саня был классический «БИЧ», то есть бывший интеллигентный человек: он успел где-то поучиться года два и любил философствовать, вворачивая витиеватые слова, смысл которых сам представлял не без труда.

Геша составлял прямую противоположность. Был прост, как дрозд, имея единственный интерес: выпить, да заняться природным делом с представительницей противоположного пола, причем все равно с какой.

Впрочем, в двух последних пунктах они друг друга стоили.

Работа наша была, можно сказать, не пришей кобыле хвост: любой из нас мог вкалывать, набирать заказы у художников со стороны, а мог вообще ничего не делать, через коленку выполняя наряды, получаемые от начальства галереи.

Геша с Саней поживали именно согласно второму варианту.

Я быстро понял их систему и, месяц проваландавшись, вышел из «бригады» и стал работать по отдельному наряду. Довольны остались все: я зарабатывал деньги, Геша с Саней пьянствовали и чесали языки. До меня третьим работал пожилой семейный мужик, тоже – на их беду – непьющий. Тот постоянно ругался, что из-за них, беспечных алканавтов, не может прокормить семью – и с моим приходом они

вздохнули свободно.

Геша удалился, а я вернулся к своей работе.

Я недавно взял у местного живописца, заслуженного художника Рассадина, заказ на оформление персональной выставки. Подрамники я уже привел в порядок – перебил, заменил клинышки по углам, ровно натянул холсты, закрепил лохмотья мелкими гвоздиками. Теперь мне осталось сделать рамы.

Взяв верхнюю картину из штабеля, я повернул ее к себе лицом.

Там были изображены, очевидно, березы – длинные, грязно-белые полосы, местами подпачканные черными поперечными мазками. Внизу темнели схематично обозначенные решетки и косо торчащие крестики. Судя по всему, тут подразумевалось кладбище. Я взглянул на оборот.

«*Вечный покой*» – размашисто значилось у углу подрамника.

Вечный... Честно говоря, так намалевать, пожалуй, смог бы даже я. Хотя, впрочем, имелся ли в том хоть какой-то смысл? Рассадин платил мне деньги, и этого было достаточно для того, чтобы я обрамлял его картины.

Я выдернул с нашего общего для всех стеллажа белую багетину с широкой кромкой – наиболее подходящее обрамление для такого шедевра – замерил длину, приложил усорез, отхватил нужные куски.

Кастрюлька со столярным клеем угрюмо бурчала на элек-

троplitке. Я приподнял крышку, заранее задержав дыхание, что не впускать в себя тошнотворную вонь. Аккуратно промазал торцы и сложил раму на верстаке. Для прочности следовало тут же прошить углы крест-накрест. Я выдвинул нижний ящик и обнаружил, что – как всегда, в самый неподходящий момент – у меня кончились длинные тонкие гвозди.

Я мысленно выругался: ведь на складе сегодня в честь аванса могло быть заперто.

Вздыхнув, я все-таки туда отправился; заказ Сердюка уже поджимал по срокам.

* * *

Вопреки опасениям, склад оказался открытым.

– Что, Юрик, опять за Полиной Федоровной прислали? – приветствовала меня кладовщица Любаша.

– Нет, сам пришел. И не за ней. Отсыпь кило шестидесятки, будь добра!

– А не поколешься? – она прищурилась с усмешкой.

– Не поколюсь, – отмахнулся я, игнорируя намек.

Кладовщица вздохнула и, виляя задом, удалилась громыхать в темные складские трущобы.

Эта самая Любаша являлась одной из главных тем, неугасающе острым вопросом всех обсуждений.

Очевидцы уверяли, что она по кругу спит со всеми работающими у нас мужиками, а когда образуется прорыв, то

прихватывает клиентов со стороны. Причем не получая никаких благ, а совершая развратные действия из чистой любви к искусству. Я не знал, правда ли это – но склонялась Любаша всегда так, что только слепой мог не видеть ее мешковидных грудей, вываливающихся на прилавок.

Сейчас она принесла мне маслянистый кулек с гвоздями, чиркнула закорючку в амбарной книге. Я быстро расписался, подхватил гвозди и побежал к себе.

Рамку стоило зафиксировать, пока не застыл клей – иначе мне предстояла двойная работа.

* * *

А в столярке начинался пир.

Геша и Саня восседали у окна над раскатанными по газетке огурцами. Пустая водочная бутылка стыдливо блестела в углу. Третий стакан – аккуратно налитый и прикрытый хлебным ломтиком, как на поминках, ждал меня на верстаке.

Всякий раз они оставляли мне, хоть и знали, что делают так зря. Но моя порция составляла для моих сослуживцев своего рода банк: выдуть свое одним махом, они знали, что чуть позже получают и ее тоже – процесс растягивался и становился еще приятнее.

Разумеется, я пил – но не работе и не в таком обществе. Здесь я жил под защитой выдуманной язвы.

– У Любашки был? – поинтересовался Саня, взяв мою дозу. – У нашей попечительницы средств труда и воспроизводства?

– А то, – коротко ответил за меня Геша. – У ней самоё.

– За гвоздями ходил, мужики, – пояснил я. – Кончились ни вперед, ни после.

– Ну и как – дала? – поинтересовался Саныч, с наслаждением держа перед носом полный стакан. – Получил сатисфакцию?

– А то нет, – Геша ослабилась, смачно рыгнул. – Юрец не нам чета, у него еще стоит. Такому она не то, что гвозди...

Он сделал непристойный жест опухшими от пьянки пальцами.

– ...Не то что гвозди... Все что хочешь даст, ежели попросить как следует.

– Учти, Юрец! – он Саныч назидательно поднял палец с синей наколкой, затейливым перстнем в виде оскаленного черепа. – Геша глаголет абсолютную истину, сия дама оправдала свое имя, весьма преуспев в древнейшей из земных профессий! Ты еще не прибегал к ее услугам в сексуально-эротическом организме?

– Загнул, Саныч – перебор, – возразил Геша, рыгнув еще раз. – Она нашего Юрца на червонец старше.

– Это и суть квинтэссенция. Много ты... Женщина в сексуальном аспекте становится приемлемой...

Саныч отпил наконец из моего стакана, крикнул и выдох-

нул.

– ...Сексуально приемлемой для интима лишь по достижении некоей возрастной границы. Любовь – женщина бальзаковского возраста и знает тридцать способов коитуса. Сексапильность...

– А грудя у нее... – мечтательно перебил Геша. – Что твои подушки, гадом буду... И вообще она вся мягкая, как... Как это самое.

Он плотоядно отхватил половину огурца.

– Кар-роче... У нее, Юрец, коленки – и те *мягкие*.

Последний аргумент, вероятно, казался Геше самым сильным.

– ...А женщина бальзаковского возраста, – продолжал Саня. – Обладает экспотенцией в области физического соития...

– ... Как загонишь ей в задний мост по самые...

Геша явно заимствовал выражение от Ваньки-шофера, у которого в любой момент водилась водка.

– ... А как она сосет – европейский класс!

Пьяный треп достиг вершины.

Я отвернулся от коллег и взялся за раму.

Деля водку, Геша с Саней развалили мне углы, а мерзкий клей успел раньше срока остекленеть и превратился в коричневую скорлупу.

Пришлось отбить его ножом и снова ставить на жар вонючую кастрюльку.

Я взглянул на картину еще раз и вдруг понял, что Рассадинские березы напоминают кости.

Старые, вдоволь полежавшие в земле и обглоданные червями мослы

Промазав раму еще раз, я полез за молотком, благо гвозди теперь имелись.

Принято было говорить, что человек счастлив, когда с радостью утром идет на работу, а вечером с той же радостью возвращается домой.

А если результат тот же, но причина обратная?

Если на работу я всегда спешил, радуясь возможности уйти из дому, а домой возвращался счастливый тем, что на полсуток избавился от работы?

Столярку я покидал всегда с удовольствием, она мне осточертела, если не сказать крепче. Почему же я не пытался найти себе иное место, будто белый свет сошелся клином на нашей галерее? Я просто махнул рукой на все с тех пор, как жизнь моя заложила крутой вираж, в котором я не удержался и сорвался в штопор. Сейчас мне уже ничего и не хотелось менять в своей жизни; порой мне казалось, что мне не двадцать семь лет, а все сорок или даже пятьдесят.

А дом...

Сказать, что он у меня был плохим, конечно я не мог. Нет, дом считался вполне нормальным, пожалуй, даже очень хорошим. Имелся в нем и достаток, и прочный уклад. Только... Впрочем рассказывать о том можно было долго, и всякий раз с новыми деталями.

Каждое лето в нашем доме становилось безлюдно по причине отпусков членов моей семьи – я мог царствовать, упиваясь блаженным одиночеством среди пустоты нашей четырехкомнатной квартиры.

В этом году мне такого не выпало.

Правда, мама с папой уехали по семейной путевке на Черное море. Но мой старший брат Олег и его жена Юлия остались на месте. Олежу, по его собственному выражению, «засандалили» в приемную комиссию – он ведь у меня был доцентом Нефтяного института, что составляло не фунт изюма и даже не хвост собачий! – привязав к городу на все лето, и мне приходилось терпеть его общество. То есть не просто видеть брата утром и вечером – а по выходным еще и днем! – но и выслушивать нескончаемые нравоучения.

Удачей могло считаться лишь то, что моя амебообразная невестка оставалась безобидным человеком.

Именно человеком, а не женщиной – аттестовать ее последним словом у меня не поворачивался язык. Она была одной из немногих известных мне особ противоположного пола, в ком я при всех потугах воображения не мог принудить себя хоть на миг увидеть объект интереса, а не просто абстрактное существо в юбке вместо брюк. Юлия имела безупречно квадратную физиономию, форму которой подчеркивали жуткие очки в синей оправе. А прическа... Как объясняла моя бывшая Тамара, нормальная женщина делает хи-

мическую завивку не с целью полгода ходить мелким бесом, но лишь потому, что на обработанных волосах лучше держится укладка. Юлия примерно два раза в год – вероятно, ощутив смутное недовольство своей внешностью – посещала парикмахерскую и делала стрижку с химией, после чего ненадолго становилась похожей на женщину. Но через неделю прическа разваливалась, а новую она делать не собиралась и следующие шесть месяцев она ходила в колечках, как пудель – закалывая волосы детскими заколками над ушами. Я знал неприязнительность Олега, но все-таки не мог себе представить, как можно с такой женщиной спать.

Хотя, наверное, они просто представляли два сапога из одной партии, и другой жены и не требовалось моему брату, который ни ростом, ни фигурой не вышел, лицом был стерт и уже начинал посверкивать лысиной, хоть и был старше меня всего на шесть лет.

С Юлией они учились в параллельных классах и воспылали взаимной страстью на почве олимпиад по физике. Потом ненадолго разлучились: она осталась здесь и поступила в местный Нефтяной институт, а он уехал в Московский университет. Одолеl физфак, потом еще три года корпел в аспирантуре. Разумеется, в Москве он никого себе не нашел. Школьная любовь его, это сокровище погибшего корабля, тоже избежала романтических открытий студенческой поры. А когда брат вернулся из Москвы, кандидатом физических, то есть, кажется, физико-математических наук – они сыгра-

ли свадьбу-банкет с участием всех научных светил нашего городка: то было еще в блаженную застойную эпоху. Брат и его жена могли составить образец для подражания, служа примером положительным литературных героев XIX века: спланировав свою жизнь в юности, они действовали, не отклоняясь ни на сантиметр.

В настоящий момент их жизнь вышла на очередную ступень: Юлия поступила в заочную аспирантуру. Тоже ударила по науке, не желая отставать от блистательного мужа – который, не сбавляя темпа, стремительно писал докторскую диссертацию. Следующим пунктом программы стояла кандидатская Юлии. После него на повестку выносилось рождение первенца. Последний момент долго и всерьез обсуждался при мне на заседании семейного – как называл его папа, «*административного ученого*» совета. Что они планировали дальше? Я предполагал, что предстоит выбор из двух возможностей: докторская Юлии или продвижение братца в член-корреспонденты Академии наук.

Наверное, в строгой организации бытия содержался некий смысл: ведь жизнь была чертовски коротка, и без четкого планирования даже такой гений, как мой старший брат, не успел бы достичь всего задуманного. Возможно, не так уж и неправа была наша великая ученая семейка.

Но я старался о том не задумываться.

Поскольку для меня жизнь представляла собой непрерывную попытку забыть вчера и глотать сегодня, не рассчитывая

на завтра.

Для двадцатисемилетнего мужчины это звучало неестественно, если не смешно.

Но я чувствовал себя именно так.

* * *

Сегодня в течение всего ужина брат с Юлией обсуждали «*Белые одежды*».

Я эту книгу не читал: не смог одолеть и десятка страниц, настолько унылым, надуманным, а главное – конъюнктурным – показался мне модный роман. Разумеется, это мнение было не просто оспорено, а сметено в прах моей семьей. Это подтвердило еще раз, что ученые люди могут быть невероятно умны в своих областях деятельности, но в жизни оказываются подлинными идиотами, в тысячу раз более глупыми и зависящими от чужого мнения, нежели неученые.

Например, в отличие от меня, скептически относившемуся к жизни вообще – поскольку для меня она не сулила ничего хорошего – наша семья все еще жила в счастливой эйфории перестройки. И, разумеется, любую новую книжку воспринимала как очередное священное писание. Ведь среди научных деятелей считалось, что нельзя было быть интеллигентным человеком, не прочитав определенного перечня нашумевших книг.

Меня это мало трогало, тем более что, по сути, я и интел-

лигентом-то не был.

Но Олег с Юлией жили по строгим канонам. Весь вечер брат высказывался по поводу книги, – которая, кажется, ему действительно понравилась – а жена почтительно заглядывала ему в рот.

Под конец, когда мы допивали чай и невестка уже гремела посудой в раковине, брат испытующе посмотрел на меня. И я понял, что сейчас начнется разговор.

– Слушай Юра, – бросил он, стараясь говорить невзначай. – Моя сослуживица Инна, узнав, что ты столяр, весьма этим заинтересовалась...

Я молчал, предчувствуя развитие.

– У нее, понимаешь ли, есть некий старинный шкаф, наследство от тетки. Из какого-то ценного черного дерева...

– Шкафы делают из красного, да будет известно уважаемому доценту, – с усмешкой перебил я. – А из черного негры вырезают грудастых голых женщин и продают их белым туристам.

При упоминании о голых женщинах Юлия вздрогнула и даже уронила ложку.

– Ну, неважно, – брат миролюбиво блеснул стеклышками очков. – В общем, у нее рассохся шкаф, нужен мастер. Ты бы не взялся починить, а?

Вообще-то ремонтом старой мебели я занимался частенько. Это давало некий приработок и, кроме того, лишний раз подчеркивало, что без моей земной профессии человечество

не обойдется. Я вздохнул – брат расценил мое молчание как знак согласия.

– Инна хорошая женщина. Красивая, высокая. Всего двадцать пять лет, а диссер уже готов. Замужем не была...

– Хватит выездных характеристик, – перебил я. – Цвет глаз какой?

– Цвет глаз... – брат замялся, не сразу уловив издевку.

– Да. И номер лифчика тоже неплохо знать заранее.

От этих слов Юлия, вероятно, едва не умерла.

До брата наконец дошло и он взглянул на меня с укором:

– Юра, Юра... Взрослый человек, а хуже моих студентов, ей-богу! Сколько лет тебе маяться? Мужчине пора семьей всерьез обзаводиться. А ты на танцы свои ходишь, ходишь – а производная равна нулю.

– Я туда не для того хожу, о чем ты думаешь, – резко ответил я. – Тебе, ученому мухомору, не понять, что такое балльные танцы!

Брат махнул рукой с устало-рассудительным видом.

Не сдавшись сразу, он еще некоторое время рекламировал свою Инну.

Потом Юлия, разделавшись с посудой, пошла в большую «общую» комнату и включила телевизор. Мы уселись в глубокие кресла, которые обычно служили местами папе с мамой, а брат удалился.

Он занимался своей наукой каждый божий день вне зависимости от времени года, магнитных бурь и телепрограмм.

* * *

Дом у нас отличался особенностями.

Папа с мамой были научными деятелями, оба давно сделали профессорами, а маме скоро предстояло стать член-корреспондентом Академии наук. В свое время она первой защитила кандидатскую, потом вытянула за собой папу, затем то же повторилось с докторскими. Мама была невероятно сильной личностью, и папа – которого она разогнала до отрыва от земли на запасе собственной тяги – всю жизнь неявно страдал от вечного по сравнению с ней второго места.

Специальности они выбрали разные: папа был биохимиком, мама физиком-теоретиком, поэтому всю жизнь до седых волос они провели в спорах, чья наука лучше – то есть нужнее и полезнее. И спор этот, возникший, наверное, еще в студенческие времена, они с полной серьезностью перенесли на сыновей.

То есть на нас с братом.

Братец оправдал надежды на сто сорок семь процентов. В жизненных интересах он точно следовал наперед указанному курсу. От рождения был даже не круглым, а просто шарообразным отличником. Выучился, стал физиком, шутя сделал диссертацию – «диссер», как было принято с наигранной небрежностью выражаться в среде ему подобных. Теперь рубил докторскую: он удачно подвел математическую базу

под какую-то важную задачу, давно выдуманную мировыми физическими мозгами. Я не раз слышал от разных людей, что брат мой очень талантлив, просто гениален.

Папа с мамой в нем не чаяли души: Олег Никифоров был знаменем семейной научной преемственности.

Иное дело – я...

Сколько помню себя, я хотел стать летчиком. В нашем интеллектуальном роду никто не имел отношения не только к авиации, но к технике вообще – виновата в моем пристрастии была наша дача, находившаяся вблизи зоны аэропорта.

Первым осознанным впечатлением от настоящего мира, что до сих пор пробивалось тонким лучиком сквозь многолетние наслоения памяти, остался ревущий надо мною самолет. Как понимаю теперь по смутно запомнившимся деталям, то был старый «Ли-2». Он садился: шел низко-низко, игрушечно сверкая алюминиевым брюхом, а дрожащие винты горели перебегающими бликами в косых лучах солнца. Заходил он по курсу, но снижался боком: его разворачивал ветер, дуя в киль, как в парус. Я проводил самолет до земли, оцепенев от восторга – и если бы умел как следует говорить, то уже тогда сказал бы что видел свою судьбу.

И я мог в самом деле летчиком: в отличие от братца, здоровьем меня бог не обделил. Но разве мог простой летчик выйти из почтенной семьи двух профессоров?!

Не мог – не должен был мочь.

Вспоминая детство, я видел лишь сплошную борьбу...

точнее самую настоящую войну между моей мечтой о небе и папой, яростно толкающим в науку.

Папа давил и крошил яростно, точно отыгрываясь на мне за долгие годы маминого первенства. И летчиком я, конечно, не стал: разве в то время, в ту эпоху мог победить кто-то, кроме родителей? Они не просто заставили меня подчиниться своей воле – нет, все было проделано изощреннее. Меня переломили морально. Вбили в сознание, замаскировав под мою собственную, мысль о научном предназначении. В десятом классе меня никто никуда не гнал, я сам решил ехать в университет. Но не в Москву – все-таки жить рядом с братцем-аспирантом мне не хотелось – а в Ленинград. Я поступил согласно разметке – на биологический факультет. То есть там он назывался биолого-почвенным. Родители победили.

Но потом...

Потом все рванулось совершенно в другую сторону.

* * *

Мы сидели у телевизора долго.

Тянулся нудный двухсерийный фильм про перестройку, до и после программы «*Время*».

На протяжении трех часов кто-то с кем-то спорил о хозрасчете, кто-то рвался в депутаты, кто-то яростно голосовал «*против*», временами все-таки по привычке звал в даль свет-

люю, временами без слов крушил кувалдой стальные трубопроводы, временами – что хоть чуть-чуть развлекало – хлестал по рожам. В сюжет я не вникал; глядя на экранную суету, в духе времени приправленную постельными сценами, я думал о Люде.

Вспоминал, как танцуем мы с нею, и как неожиданно провела она легкими пальцами по моей щеке три дня назад в автобусе...

Вспоминал ее ногу, которую много раз придерживал на подоконнике во время нашей разминки.

Вспоминал ее груди, глядевшие на меня через кофточку...

И думал обо всем остальном. Это остальное пока оставалось неизвестным, но кто знал, что могло быть дальше?

Я так сладостно думал о Люде, что не заметил, как закончился фильм и Юлия отправилась восвояси – точнее, в их с братом комнату.

Выключив телевизор, я тоже ушел к себе.

Моя комната оставалась моей крепостью, хоть и была самой маленькой из всех четырех.

В ней поместились только кровать, шкаф, стол у окна да книжная полка. И еще – фотографии танцующих пар; правда они места не занимали, а были прикиплены к стене.

В отличие от дома культуры, этих снимков я не вырезал из журналов; они были настоящими. Это были мои фотографии: конкурсы, показательные выступления, и снова конкурсы.

сы, конкурсы и конкурсы. Делал их мой лучший друг Вовка Старицын, который тоже был танцором, но малый рост отрезал ему возможность подняться выше класса «С», то есть первого разряда. Осознав это и пережив, Старицын ушел из танцев, но продолжал ездить с нами по конкурсам – и снимал, снимал, снимал меня без устали, а потом печатал великолепные фотографии. И дарил мне... то есть нам с Тамарой на память.

Был, ушел, снимал, дарил...

Все глаголы оказывались в прошедшем времени.

И не потому, что рассыпался наш блестящий дуэт, Тамара осталась в Ленинграде, а я довольствовался теперь чахлым ансамблем нашего провинциального ДК.

Не только поэтому.

Я-то хоть был до сих пор жив. Пилил багеты в вонючей столярке и даже танцевал, а мой друг Вовка...

Мой друг Вовка лежал на Южном кладбище у подножия Пулковских высот, у самого аэропорта – и круглыми сутками, не давая спать, ревели над ним идущие по глиссаде самолеты.

* * *

Прежде, чем тоже отправиться в постель, я еще бог знает зачем некоторое время оттачивал перед зеркалом шифоньера плавное раскрытие рук в русских танцах советского стан-

дарта. Сосредоточенно и серьезно – так, будто он когда-то мне мог снова понадобиться, этот самый советский стандарт в конкурсной технике.

А когда пошел принять душ, в ванной кто-то тихонько плескался. Я дернул ручку – не опасаясь увидеть там голую Юлию, поскольку она всегда запиралась – и обнаружил брата.

Он стоял спиной ко мне, уже в полосатом семейном халате, и что-то жамкал, близоруко склонившись над раковиной.

После того, как накрылась моя ученая карьера, отношение ко мне в доме резко переменялось.

Папа с мамой больше не вмешивались в мою жизнь, меня вычеркнули из перспективных планов семьи Никифоровых; даже Юлия представляла для них куда большую ценность. Иногда мне вообще казалось, что они смотрят на меня, как на неизлечимо больного, которому остались считанные годы, месяцы или даже дни – и это время уже не стоит омрачать заботами. Временами я ощущал себя изгоем, и мне становилось обидно, но в основном я был доволен: никто не мешал мне жить по своему разумению.

И только Олег, точно веря еще в чудесное исцеление, до сих пор не оставлял воспитательных попыток – убеждая меня то жениться, то найти нормальную работу, то пойти куда-нибудь учиться. Думаю, что делал он все это от души, но для нотаций всегда выбирал такие моменты, когда мне меньше всего хотелось слушать наставления.

Поэтому во мне постоянно бурлила злость, которую я выплескивал при малейшей возможности.

– Опять носки стираешь? – саркастически усмехнулся я, обрадованный возможностью серьезно поддеть брата. – Доктор Никифоров нанялся прачкой, спешите видеть у ковра сегодня и ежедневно. Чего стоят все твои речи о женитьбе, коли твоя собственная дражайшая половина не может избавить тебя от стирки?

– Ну и что? – брат дернул покатыми плечами, выкручивая носок. – Я люблю и уважаю Юльку и не нахожу криминала, если сам постираюсь перед сном, когда она устала от дел.

– Ты ее любишь, а она тебя – нет, – назидательно провозгласил я. – Раз допускает такое дело. Это же унижает мужское достоинство, как ты не понимаешь? Вот когда я *был женат* и жена меня любила, она не то, что носки... она мне по утрам подавала кофе в постель на серебряном подносе!

Не успев договорить, я уже раскаялся. Надо же было так обмишулиться: взять и подставить незащищенный борт.

Я уже слышал в ответ нечто вроде «*С твоим опытом семейной жизни я бы воздержался от советов...*»

Точного удара, который мне будет нечем парировать.

Но брат вскинул на меня беспомощные без очков, по-детски голубые мамины глаза и ничего не ответил.

Только покачал головой и сожалеюще улыбнулся.

4

Галя стояла у окна над зеленым морем шелестящей тополиной листвы и отрешенно накручивала на палец длинную черную прядь.

– Ты песню пела в тот раз, помнишь? – тихо сказал я, подойдя к ней.

– А что? – она порывисто обернулась. – Тебе понравилось?

– Очень, – я кивнул, глядя на ее потемневшую родинку и опять вдыхая маслянистую волну роз. – Жаль, тот тип допеть не дал. Может быть, еще раз споешь?

Галя улыбнулась, смущенно склонив порозовевшую шею, и скрипнула крышкой рояля.

*– Изо всей округи люди приходили к нам,
И со всех окрестных крыш слетались птицы
Танцовщице золотой похлопать крыльями...
Как давно, как давно звучала музыка та!*

Голос ее звучал как-то нежно, точно пела эту песню она только для меня – хотя по сути дела для меня она и пела.

*– Как часто вижу я сон, мой удивительный сон,
В котором осень мне танцует вальс-бостон...*

Тополь искрился началом июньской свежести, даже пух еще не вызрел и не пустился в свободный полет.

Но я-то знал: пройдет время, нагрянет осень, свернутся трубочками и слетят листья. И грустный ветер подхватит их с серого асфальта и закружит прощальный вальс...

*– Там листья падают вниз, пластинки кружится диск.
Не уходи, побудь со мной, ты мой каприз...*

Мне почудилось, что на последней строчке Галин голос дрогнул. Я обернулся – и встретил ее прямой горячий взгляд. Она тут же уронила ресницы, склонилась над клавишами, точно боясь ошибиться в звонких ледышках-нотах, а треугольный вырез ее черного купальника еще гуще налился цветом болгарской розы.

Бог ты мой, к чему бы все это... – с необъяснимой тревогой подумал я.

Явился Арсен, привычно полез к Гале. Опять не допев до конца, она убежала прочь, оставив за собой тающее облачко аромата.

Люда, как ни странно, пришла к точному времени.

– Слушай, Юр, – спросила она. – Я дома вчера пыталась вспомнить медленный вальс. Что там после поддержки на бедро?

– Поддержка на другое, потом крыло и через открытый телемарк выход в окончание левого поворота... Да ты не вол-

нуйся, – я засмеялся, увидев, как вытягивается ее лицо. – Тебе помнить незачем. Твое дело просто слушаться.

Она улыбнулась, ничего не ответив.

Наконец прибыл Викстан в сопровождении нагруженного, как осел, Андрея. Раи не было видно нигде.

– Что за бар-рдачный ансамбль! – Викстан грохнул печаткой по исцарапанной крышке рояля. – В кои-то веки хотел начать с общего вальса! Ну ладно... Юра, Люда, на румбу – живо!!!

– Мы еще не разогрелись, – спокойно возразил я, не в силах отказать себе в удовольствии его позлить.

– В танце разогреетесь, – отрубил он, включая музыку.

Мы нехотя поднялись на сцену и начали композицию.

– Стоп-стоп! – завизжал наш руководитель, едва мы прошли десяток тактов. – Юра, ты как руку держишь?!

– А что? – я невозмутимо пожал плечами. – Как надо, по-вашему?

– Кисть расслаблена, пальцы сгруппированы, средний смотрит в пол!

– Это классическая постановка, – зная бесполезность спора, все-таки возразил я. – Латину так не танцуют.

– Тан-цу-ют!!! – фальцетом выкрикнул Викстан, ударив печаткой теперь уже по еле дышащему магнитофону. – Постановка рук одинакова во всех группах!

– Была одинакова в одна тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году от рождества Христова. А сейчас иная трактовка.

Кисть в латине напряжена и выгнута наружу, большой палец...

– Ты меня учить будешь?! – он взорвался уже всерьез, краснея и брызжа слюной. – Будешь учить, да? Из ансамбля выгоню!

– Где ты партнера найдешь, придурок... – удовлетворенно прошептал я.

Но руку стал держать, как он велел: душу я отвел, большего мне не требовалось.

Откуда во мне кипела такая всепожирающая злость к Викстану? К нему ли, впрочем? Может, к самой жизни?..

Я удивился своим мыслям.

Да не все ли равно, в конце концов...

Встряхнувшись, я принял в ладони теплые Людины бока.

Перед медленным вальсом моя партнершу, натянуто улыбаясь, подошла к Викстану:

– Виктор Станиславович, композиция скучная. Нельзя изменить что-то?

– Нель-зя, – отрезал он. – «*Скучная*»! Вы и эту-то танцуете так, что плакать хочется.

Люда вспыхнула, закусила губу – я схватил ее за руку, не давая наговорить лишнего, и потащил прочь, навстречу занудным аккордам.

Общий вальс, как всегда, был завершающим во всей репетиции. Рая с Андреем сегодня ругались даже на нем, самом безобидном из всех танцев.

Я слышал, как, переходя ко мне при очередной смене партнеров, она злобно шипела ему вслед:

– ...с тобой танцевать!!!

Рая не успела сразу погасить раздражение, вызванное своим партнером. И в глазах ее, зеленовато-крапчатых, еще перебежали злые искры. Но через пару тактов размякла и привычно, забыв про разницу наших возрастов, облепила меня всем телом.

– Слышь, Юрий, история какая неслабая! – жарко прошептала она, тесня меня своими небольшими, но какими-то непристойно твердыми грудками. – Отпад натуральный, сто процентов. Галька наша в тебя втрескалась. По самые уши и еще выше и еще ниже – вот, блин, умора-то!

* * *

Потом, как обычно, мы с Людой топтались на трамвайной остановке.

– Юр, а Юр, – спросила она. – Откуда ты так хорошо знаешь танцевальные тонкости? Все эти алеманы, ботофоги и флеккеры?

– Я же говорил, я прежде танцевал.

– Но неужели у нас можно так выучиться? По-моему даже Викстан не понимает всех твоих названий!

– Можно. Но не у нас.

Я вздохнул и замолчал.

Все, что было когда-то моей жизнью, давно отгорело, превратилось в пепел и успело остыть. Ворошить все это сейчас было как-то странно и даже не больно, словно, рассказывая о себе, я излагал историю другого человека.

– Я после школы уехал в Ленинград. Учиться. Не танцам, конечно – занялся ими как следует только в конце первого курса. Потом на учебу плюнул и ушел в профессионалы.

– В профессионалы? – Люда удивленно вскинула брови.

– Ну, да, так принято говорить. Числился столяром в одной конторе, а реально – девять репетиций в неделю, все силы на конкурс. Как в спорте.

Да, так оно и было. Уйдя из института, я устроился именно столяром в небольшое ателье по ремонту мебели – выбрал первое, что подвернулось. Опыта у меня не имелось, но руки всегда были вставлены правильно, в детстве я строил авиа-модели. А уж там тонкая работа по дереву не шла ни в какое сравнение с любой мебелью...

– Женился тогда же, – зачем-то добавил я.

– На парикмахерше? – догадалась Люда.

– Да.

– Чтоб в Ленинграде остаться?

– Не только. Мы с нею работали в паре, а при этом быстро друг к другу привыкаешь. Столько времени приходилось вместе проводить, что все вообще само собой получилось.

– А потом развелся, – Люда бросила острый взгляд. – И вернулся назад?

– Именно так, – кивнул я и состроил невеселую улыбку.

– Но почему... Почему так вдруг? – пытливо спросила она. – Если у тебя все получалось и шло как надо. Почему ты все бросил? Случилось что-нибудь?

Случилось, – подумал я, испытывая крайнюю неохоту вновь рассказывать о том.

Спасая меня от ответа, на повороте загремел трамвай.

– Здоров, Петро-вич... – Геша вкрадчиво подобрался к моему верстаку.

Я понимающе усмехнулся.

Обычно меня тут называли Юрой, Юриком, Юрасиком, Юрцом – в зависимости от настроения – иногда даже Юрёнком.

Обращение же по отчеству предшествовало серьезной просьбе. Которая у моих коллег оставалась всегда одной и той же.

– Здорово, Геша.

Я разогнул спину, оторвавшись от очередной Рассадинской рамы.

– Как жизнь?

– Жизнь? Жисть моя жестянка, – он не спеша развел руками, щелкнул себя по горлу и сокрушенно покачал головой. – В звизду такую жисть.

– Тяжелый случай, – я кивнул с серьезным, непонимающим видом.

Хотя прекрасно знал все слова, которые должны были последовать.

– Слышь, Петрович, – Геша понял, что тонкими намеками от меня сегодня ничего не добьется и сказал прямо. – Уважь, а? Сгоняй за политуркой.

Повышение производительности труда у моих коллег существенно отставало от роста цен. И хотя сейчас на дворе стоял восемьдесят девятый год, мы пережили страшнейшие, поистине гестаповские времена Горбачевской охоты на ведьм, и русский народ снова получил конституционное право употреблять алкоголь – будь это хоть трижды сомнительный спирт «*Рояль*» в пластиковых бутылках – но настоящей «*беленькой*» мои сослуживцы могли баловаться лишь по случайным праздникам. Даже не в каждую получку – поскольку, в отличие от твердого аванса, она редко несла им радость.

Без выпивки мои коллеги существовать не могли. Кто-то мог их осуждать, но я, даже проучившись на биофаке всего ничего, понимал, понимал, что без поддержания определенного процента алкоголя в крови эти люди были просто нежизнеспособны.

В будни они пили политуру.

«*Полину Федоровну*», как уважительно величал ее Саня.

Способ извлечения этилового спирта из желтой жидкости для отделки дерева был поднят моими братьями по цеху на уровень промышленной технологии. Всякий раз, когда в столярке появлялась политура, Геша терпеливо выстругивал тонкую палочку из самого твердого дерева – бука. А Саня, у которого не так сильно дрожали руки, тщательно и без спешки вбивал в нее несколько десятков самых мелких гвоздиков, получая некую импровизированную насадку для мик-

сера. Готовое изделие зажималось в патрон сверлильного станка, затем снизу аккуратно надевалась откупоренная бутылка. После этого оставалось лишь нажать пуск на пару минут – и лакирующие смолы отгонялись прочь, студенистым комком оседая на щетке – а бутылке плескался прозрачный, как слеза спирт. Разумеется, для каждой новой бутылки приходилось изготавливать новую насадку: отчистить использованную от густой смолы было невозможно – но на эти мелочи мои коллеги не обращали внимания.

Честно говоря, впервые увидев эту процедуру, я был поражен высотой технической мысли. И подумал, что процесс приготовления политуры из спирта и шеллака на заводе занимает куда больше времени, нежели превращение ее обратно в спирт.

Технология алкашей была общеизвестной; сами они ничего не изобретали, а лишь усовершенствовали чужой опыт. Поэтому политуру Любаша отпускала нехотя. Я использовал состав только по прямому назначению, и со мной она никогда не пререкалась – Геша с Саней это знали, и поэтому старались при любом возможном случае послать за жидкостью именно меня.

* * *

– За Федоровной? – привычно поинтересовалась Любаша, едва я переступил порог склада. – Или опять за гвоздями?

– На это раз именно за ней, – кивнул я.

– Ох, знаю для кого берешь, не дура... Им бы не дала ни в жизнь, – она вздохнула. – Но ради тебя... Разве тебе в чем откажешь?

Перегнувшись через железный прилавок, Любаша пихнула меня в живот пухлым кулаком прежде, чем я успел отпрянуть.

Затем полезла на стеллаж, откуда янтарно поблескивали бутылки. Чтобы дотянуться, ей пришлось придвинуть туда стул и взобраться на него, балансируя в неустойчивом равновесии.

Синий халат, прихваченный лишь парой верхних пуговиц, разошелся, обнажив ее ногу: напряженно подтянутую икру, большое круглое колено и бесстыдно белую мясистую ляжку.

Неужели у нее под халатом нет ни платья, ни даже какой-нибудь комбинации? – поразился я.

И быстро отвернулся, пересиливая желание смотреть и смотреть.

Обычная женщина в автобусе одергивала на себе одежду, если ноги ее обнажались выше допустимого, – Любаша же стояла так, будто мы с нею находились не на работе, а на пляже у реки. Хотя на пляже все ходили в приличных купальниках, а эта демонстрировала из-под халата нижнее белье: неопределенного цвета, блеклое и застиранное и от того лишь сильнее побуждающее себя рассматривать.

Я не видел, как Любаша спрыгивала со стула – лишь подозревал, что это зрелище было еще более жестоким.

Молча принял из ее руки прохладную бутылку политуры, расписался и пошел в столярку.

Но непристойная голая нога кладовщицы все равно стояла и стояла перед моими глазами.

* * *

Всякий раз после похода на склад я испытывал ощущение, будто невольно присутствовал при чем-то очень постыдном.

И однажды, вернувшись в столярку и взяв подрамник с картиной, где была изображена девушка, стыдливо прикрывающая пальчиками розовые соски на белой юной груди, задумался над внезапно пришедшей мыслью.

Любаша была устроена в принципе точно так же, как эта неведомая, чужой рукой написанная девушка.

Как пленительная Люда и даже как наивно краснеющая Галя!

Она была совершенно иной по сути, но казалась точно такой же со стороны. Так как же я, изо дня в день, слыша смачные разговоры о достоинствах Любаши, и регулярно вынужденный лицеизреть ее *места* – как после всего этого я мог нормально относиться к женщине вообще?

Как с чистой нежностью старшего брата мог смотреть на склоненную Галину фигурку, как по-взрослому серьезно

замирать от прикосновения Люды? Почему я не вспоминал Любашу всякий раз, когда видел перед собой просто женщину?

Да, наверное, потому, что она в моем понимании не была женщиной. Самкой вида гомо сапиенс – да, но не женщиной, а это были две разные вещи.

Да и вообще кругом имелось столько всяческих мерзостей, что можно было перестать верить в само существование чего-то светлого и незапятнанного. У меня, вероятно, душа покрылась защитным лаком, толстым слоем этой самой неотогнанной политуры.

Здесь я зарабатывал на жизнь, а жил в ином месте – потому и не утерял способности танцевать, принимать изящные позы, читать хорошие книги, бережно относиться к противоположному полу...

А Любаша...

Она, конечно, чисто биологически вынуждала разглядывать себя, сияя голым телом из-под халата.

Но все-таки от мысли, что с нею теоретически *можно спать*, как с любой другой представительницей противоположного пола, к горлу у меня подступала тошнота.

6

– Мама, я стОляра люблю!
Мама, за стОляра пойду!!!

– орал Арсен, дробя блатными аккордами и без того разбитые клавиши.

Я стоял у окна и смотрел вниз на тополь, не обращая внимания. Люда слегка опаздывала против обыкновения, Рая тоже опаздывала – по обыкновению и даже не слегка. Галя молчала рядом со мной, тоже глядя куда-то за окно.

Арсен прокричал одно и то же раз пятнадцать, поскольку сумел придумать лишь две строчки и, оглохнув от самого себя, удалился курить.

– Спой про вальс-бостон! – попросил я.

– А тебе не надоело? – Галины плечи вспыхнули легким румянцем. – Каждый раз одно и то же? Может, что-нибудь новое? Я ведь много разных песен знаю, только здесь вот долго не собралась для тебя спеть...

При неожиданно вырвавшихся словах «для тебя» она покраснела уже по-настоящему.

– Не надо других. «Вальс-бостон» и только он. Без него никак.

Галя ответила взглядом, полным странной, удивившей

и испугавшей меня благодарности.

*– ...Опьянев от наслаждений, о годах забыв,
Старый дом, давно влюбленный в свою юность,
Всеми стенами качался, окна растворив,
И всем нам, кто там был, он это чудо дарил...*

Тонкий голос взвивался, дрожа с нескрываемой страстью. Неужели в самом деле оказалась права болтушка Рая? – с непонятным чувством думал я. – Неужели в меня еще можно влюбиться?

Спасая меня от ненужных мыслей, в зале появилась Люда. Викстан куда-то запропастился, и мы принялись спешно разминаться, пока он не выгнал на сцену – я опять держал на подоконнике Людину ногу, и с каждым наклоном ее тело источало волну французского аромата.

– ...Шанель номер пять, – подкравшийся сзади Арсен шумно повел носом. – Даже пять с половиной.

– «Кристиан Диор», – зачем-то поправил я. – Мал ты еще в женских тонкостях разбираться.

Арсен похабно гоготнул.

Я отпустил теплое Людино колено, не спеша поднял руку и молниеносным движением щелкнул его по носу. Как научил меня все тот же Вовка Старицын, набравшись опыта у какого-то бывшего зэка: как всякий порядочный интеллигент, он питал нездоровую страсть к подобным знакомствам. При внешней безобидности удар был очень жестким; при же-

лании можно было даже пустить кровь. Я хлестнул вполсилы, но Арсен согнулся – и, держась за нос, с воем отскочил.

– Это тебе для лучшей идентификации запахов, щенок, – пояснил я вслед.

Люда усмехнулась.

– Так я угадал? Диор?

– Он самый, – она кивнула, по-кошачьи вспрыгнула на подоконник. – У тебя, я вижу, богатый опыт по этой части.

И захихикала, болтая ногами. Я хмыкнул, с трудом удерживая взгляд, которому хотелось гладить и гладить бедра, оголившиеся из-под юбки.

Наконец примчался Викстан, сграбастал неизменного Андрея и уволок за собой в костюмерную: видимо, сообразил, что эта репетиция – последняя перед первым из череды запланированных концертов, и стоит позаботиться о сценической одежде.

Вдвоем они притащили ворох разноцветных платьев и сугроб шуршащих нижних юбок для партнерш. Для нас были найдены три одинаковых отвратительных комбинезона из блестящей ткани серого цвета с желтыми пятнами на коленках: кто-то из предшественников чересчур усердно отрабатывал мазурочную обводку на свеженатертом полу.

– Все наверх! – скомандовал Викстан. – Надо примерить – обменять, если что не подойдет, пока костюмерная не закрылась.

Первыми стали примерять костюмы девушки.

Спрятались все трое за занавеской – там, толкаясь и хихикая, стянули свои купальники, а потом одна за другой выплыли в красивых платьях для вальса – белых с блестящими разводами на груди.

– Так, – Викстан хмыкнул, склонив голову. – Вроде бы неплохо.

Галя выглядела невестой, собравшейся на первую встречу с женихом. Люду рассмотреть я не успел, потому что Рая, загораживая всех, закружилась по классу, едва не падая в разлетевшихся юбках и сверкая голыми ногами – которые я тысячу раз видел и так и сяк, но которые вдруг показались очень женственными, мелькнув из-под классического платья.

– Это-то что?! – взревел наш руководитель. – Что это – я тебя спрашиваю, Рая?!!

– А что? – она уставилась непонимающе.

– Юбку подними!

– Пожалуйста, – девчонка состроила неприличную гримасу. – Смотрите, мне не жалко.

И двумя руками задрала платье, давая всем рассмотреть свои трусы – широкие и белые, в крупный голубой горошек.

– Что у тебя там?!

– Трусы.

– Сам вижу... А какие трусы?!

– *У меня тьюсы в горошку,*

Распѣкрасные тѣюсы,

– похабно продекламировала Рая, имитируя детскую речь.

– *Пѣистает ко мне Серѣжка —*

«Показы да показы!»

– Показала уже! – заорал Викстан. – Ты еще в цветочек надень! И сразу до колен! Чтоб все зрители только ими и любовались!

– А что? – она повела крепкими плечами. – Если скажете, Виктор Станиславич, я могу вообще без трусов прийти...

– Я т-тебе дам *«без трусов»*!!!..

Викстан захлебнулся словами, приняв непристойную угрозу всерьез.

Выходка ее была такой внезапной, что даже Арсен молчал, как столб.

– Купи себе узкие, две пары. Белые для вальса, черные для латины, ясно?! Денег тебе дать?

– А дайте, – нагло хмыкнула Рая. – Только предупреждаю сразу: на сдачу я себе мороженого возьму.

– Остальных тоже касается, – продолжал Викстан, взяв себя за подтяжки.

– У меня сегодня как раз черные, на ваш вкус, – криво усмехнулась Люда. – Показать?

Галя молча покраснела всем телом – казалось, из голых плеч ее вот-вот брызнут слезы.

– Ладно... – Викстан махнул рукой. – Снимайте эти платья, надевайте форму – и на сцену репетировать.

– А... латину мерять они не будут? – спросил я.

– А что ее мерять? – он пожал плечами. – Латина и есть латина. Как будет сидеть, никакой роли. Пусть теперь парни переодеваются, на них посмотрим...

Будучи надетым, комбинезон оказался еще непригляднее. Рост мне подошел, но рукава свисали.

– Он что – на питекантропа пошит? Или на шимпанзе? – я стоял перед зеркалом, разглядывая свою фигуру. – И это я – Юрий Никифоров! Боже, до чего я докатился...

Краем глаза я отметил, как уставились на меня девицы, и продолжал нагнетать пафос:

– Я когда-то выступал во фраке. Во фра-ке! А теперь вот этот мышиный комбез...

Выпростав пальцы, я сделал резкий жест. Арсен отпрянул подальше, хотя в этот момент я меньше всего думал именно о нем.

– Без фрака хорош, – сухо констатировал Викстан. – Девочки, быстро укоротите ему рукава, а то он на Пьеро похож.

Прежде, чем Люда поднялась, около меня оказалась Галя и, осторожно прикасаясь тонкими пальцами, принялась подгибать на мне серую ткань.

– Стоило бы всю программу хоть раз в костюмах прогнать, – сказал я, не в силах сдержаться, хотя и понимал бесполезность советов. – А, Виктор Станиславович?

– Зачем? – спросил он на удивление спокойно.

– Для привыкания. Одно дело держать партнершу в купальнике, другое – в платье с пачками. Объем увеличивается, возникает инерция при повороте и так далее...

– Лишнее, – отрубил Викстан, обретая привычный тон. – Костюмы дорогие, трепать лишний раз незачем.

– Как прикажете, товарищ майор, – я иронически пожал плечами. – Вы командир, вам видней.

– Да, я!!! – заводясь с пол-оборота, окрысился он и для верности вlepил печаткой в подоконник.

Видимо, она была сделана не из золота, а из легированной стали, если до сих пор не сплющилась в лепешку.

– И порядки тут мои! Не нравится – не держу!

Я молча отвернулся.

Репетиция началась с самбы. Сидя в зале рядом с Людой, я анализировал работу Раи и Андрея.

Андрей вроде бы все делал правильно, но как-то вызывающе грубо, точно стеснялся проявить к партнерше необходимую в любом танце каплю сценической нежности. На алектмане – то есть при молниеносном повороте под рукой – он дернул ее так, что та едва не упала со своих ненужно высоких каблуков. На ногах Рая все-таки удержалась, но потом замешкалась и опоздала с выходом в следующий чек: по всему было ясно, что она думает о чем-то своем, отключившись от танца. Кое-как закончив связку, Андрей со злостью рванул девчонку вперед, пытаясь догнать музыку и пра-

вильно совершить очередность шагов бото-фого. Не попадая в такт, она очнулась и неожиданно пнула партнера под колено. Тот в долгу не остался и, с грехом пополам выйдя на ужасную по своей уродливости вольту, оттолкнул ее от себя. Рая выдернула руку, ударила его кулаком и спрыгнула со сцены. Викстан не успел рта раскрыть, как она выбежала из зала, цепляясь юбкой за обшарпанные подлокотники кресел.

Магнитофон бесстрастно гнал мелодию и Андрей топтался один, продолжая композицию с воображаемой партнершей после того, как из-за своей дурасти лишился реальной. Причем теперь в его движениях появилась та неуловимая грация, которой недоставало в паре.

Викстан молчал – видимо, он растерялся от Раиной выходки и еще не придумал, как отреагировать и не уронить при том своего лица. Скорее всего, рассчитывал, что девчонка посидит в классе, успокоится и вернется обратно без слов.

Медленный вальс показался нам скучнее самой скуки.

– Виктор Станиславович, – опять взмолилась Люда. – Давайте заменим этот танец, а?

– Чем, например? – холодно осведомился тот.

– Танго, – опять не выдержал я.

– Танго?! – Викстан взвился, не сразу найдя подтяжки. – Какое еще вам танго? Издеваешься?

Перед финальным вальсом обнаружилось, что Рая так и не появилась в зале.

– Сходи за ней, – приказал Викстан Андрею. – И приведи из класса сюда.

– Не найдет, – сообщил Арсен, когда тот удалился. – Райка домой убежала – они же перегрызлись по самое нехочу.

– Нееееет! Это выше моих сил!!!! – взвыл руководитель, крутя печатку так, будто хотел отвинтить себе палец. – Это не ансамбль. Это... это...

Он захлебнулся междометиями, не найдя нужных слов. Тащить аппаратуру наверх пришлось Арсену.

* * *

На улицу мы спустились втроем – вместе с Галей.

Как-то само собой вышло что так втроем дошли до трамвая, потом втроем же пересели на автобус.

Мы, как всегда, ехали рядышком с Людой: она у окна, я в проходе – Галя устроилась впереди нас.

Видно, ей по пути, – думал я, с легким раздражением ощущая ее присутствие в моем личном пространстве, которое было занято лишь Людой. – Сейчас она выйдет, и мы останемся вдвоем. Сейчас, или на следующей – лишь бы поскорее...

Но автобус катил по городу квартал за кварталом, вот уже обогнул старый сквер дореволюционных времен и замедлился перед Людиной остановкой – а Галя все не выходила и не выходила.

– Тебя проводить до дома? – стараясь не замечать Галю, по традиции спросил я у Люды.

В тот момент, когда она, сладостно касаясь ногами моих коленок, уже выбиралась со своего места.

Неопределенно улыбнувшись, она пожала плечами.

Душа моя вздрогнула, вспенилась неожиданным счастьем. Она не ответила обычного «слишком». Значит, все было возможным – наверняка **все**, если только не давить сразу и до упора.

– Будь здоров, Людик! – я улыбнулся. – И не опоздай в субботу на концерт!

Люда хихикнула и быстро прошагала к выходу.

– Проводи меня, а? – быстро обернувшись через спинку, проговорила Галя, когда автобус тронулся и оставил Люду за синеющим окном.

– А тебе куда? Дальше?

– Не совсем... – Галя порозовела. – Точнее *совсем нет*. В другую сторону.

И замолчала, отвернувшись от меня и рисуя пальцем по стеклу.

А во мне клокотало счастье, глухое к чьим-то невысказанным переживаниям.

Люда не произнесла привычных слов, она просто пожала плечами.

Значит, все оставалось впереди. Все вообще оставалось впереди. И я был великодушно щедр.

И вполне мог доставить Гале маленькую невинную радость.

Мы вышли на следующей остановке, перебежали улицу и сели на автобус в обратную сторону.

* * *

Ехать оказалось долго – фактически в другой конец города. Когда мы выбрались из душного салона, воздух загустел почти ночным синим желе.

По-прежнему глядя в сторону, Галя отчаянно взяла меня под руку. Она шагала, крепко держась за мой локоть и сквозь тонкое летнее платье меня обжигал розовый жар ее тела. Время от времени, будто споткнувшись, она прижималась ко мне бедром – и я невольно отстранялся, испуганный дрожью, которую доставляло мне ее нечаянное прикосновение.

Сомнения рассеялись: болтушка Рая была права на все сто процентов.

Мы миновали надвинутые друг на друга кварталы, темные от лип. Они расцвели в этом году очень рано и теперь пьяно шуршали листвой, будто спешили раздеться, и роняли на нас капельки нектара.

Наконец мы нырнули в сводчатую и очень длинную подворотню, которая вышла во двор перед невысоким и тоже очень длинным домом.

– Пришли... – Галя наконец посмотрела на меня. – На вто-

ром этаже у самого угла окно зеленое видишь? Рядом не горят – это наша с мамой квартира.

Рядом с зеленым темнели три окна.

– Может, зайдем... – отчаянно вжимаясь в меня всем боком, предложила Галя. – Чайку выпьем?

Я молча глядел на темные окна.

Которые одновременно и звали, и обещали, и от чего-то предостерегали. Хотя все-таки сильнее всего именно обещали – словно у меня двадцатисемилетнего еще осталось в жизни нечто, что можно пообещать и чем можно заманить куда угодно.

– Мама у меня в больнице работает, сегодня у нее ночное дежурство...

Галин голос, вибрируя, сделался еле слышным.

Я почувствовал, как в темноте ее окатывает жаркая волна.

– ...Дома нету никого... и не будет. До самого утра.

От последних слов Галя едва не вспыхнула одним сплошным факелом.

Ветер шуршал, разворачивая сумрачное покрывало и прибивал к асфальту липовый дурман, который струился во двор через трубу подворотни.

Я обернулся к девушке – она стояла, запрокинув ко мне облитое внезапной бледностью лицо. Глаза сделались черными провалами, а родинка на губе поблекла, затушеванная полумраком – и запах, маслянистый аромат Казанлыкской долины, тек снизу вверх умоляющей волной.

Я знал с абсолютной точностью, что могу сейчас подняться – подняться, чтобы сделать с нею что угодно. С любой женщиной, предлагающей себя отдаться, я бы поступил так, без раздумий и колебаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.